

УДК 81'27:811.161.1

ББК 81.001.2

М 48

Мельничук С.Ф.

Магистр филологии, преподаватель русского языка за рубежом в компании «Academic Russian», Лондон, аспирант кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета, e-mail: svetvakh@gmail.com

К вопросу о лингвокультурном статусе концепта

«судьба писателя»

(Рецензирована)

Аннотация:

Исследуется ранее не изученный концепт «судьба писателя». Цель – доказать лингвокультурный, национально-специфический характер рассматриваемого концепта, для чего привлекаются данные лексикографических источников, лексико-семантический анализ синонимов, а также моделирование концепта. В ходе анализа устанавливается, что в ядре концепта находятся представления о тяжелой участи писателя, обреченного на одиночество и непонимание из-за собственной избранности и таланта. Исследуется также стереотипное представление о писателе в русском языковом сознании. В процессе лексико-семантического анализа компонента «писатель» и его синонимов выявляется закрепленное в сознании носителей русского языка представление о труде писателя как направленном, в первую очередь, на морально-нравственное совершенствование читателей, а не на получение личной выгоды. Принципиальная новизна данного исследования состоит в обращении к ранее не изученному в научной литературе концепту. Особое внимание уделяется лексеме *писатель*, которая также не получила должного освещения в филологических исследованиях. Выявление в широком синонимическом ряду эмоционально окрашенных лексем с оценочной коннотацией позволяет квалифицировать данную лексему как лингвокультурный концепт. Результаты работы призваны дополнить накопленный в современных когнитивных исследованиях материал об особенностях русской языковой картины мира.

Ключевые слова:

Лингвокультурный концепт, судьба, биография писателя, лексико-семантический анализ, антропоцентрический подход в лингвистике.

Melnichuk S.F.

Master in Philology, teacher of Russian abroad in the Academic Russian Company, London, England, post-graduate student of Department of Modern Russian at the Kuban State University, e-mail: svetvakh@gmail.com

On the linguo-cultural status of the concept of “writer’s fate”

Abstract:

This article is an attempt to present the concept of “writer’s fate” and to prove that the concept of “writer’s fate” belongs to linguo-cultural type of concepts with nationally specific meaning. Different methods (lexicographical data, lexico-semantic analysis and concept

modelling) were used to prove that the writer's fate is characterised as tragic, with loneliness and misunderstanding being its main features in native Russian speaker comprehension. Special emphasis is made on the lexeme "a writer" which is also proved to be a linguo-cultural concept due to its evaluative component. A writer is believed to be a true talented master in Russian language cognition who doesn't think about his glory but devotes his life to his work. The originality of this research lies in its object — the concept of "writer's fate" — which has not yet been described in the scientific papers. The results of this article can be useful as new addition to all scientific papers featuring Russian language image of the world.

Keywords:

Linguo-cultural concept, concept of fate, writer's biography, lexico-semantic analysis, anthropocentrism in linguistics.

Принцип антропоцентризма, ставший характерной чертой современных исследований во многих фундаментальных науках, возвращает человеку протагоровский статус «меры всех вещей» и приводит к переориентации научных интересов. Так, в физике признается единственно возможной для изучения объектов микромира позиция наблюдателя, в экологии ищут пути достижения гармонического взаимодействия человека и природы. В рамках литературоведения обращаются к новому прочтению образа автора и читателя, тогда как в лингвистике «взамен требования изучать систему и структуру языка выдвигается новое — изучать языковую способность, знания о мире, зафиксированные в языке, языковую компетенцию носителя языка» [1: 12]. При этом интерес лингвистов смещается с исследования структуры языка на условия и результаты его использования. «Антропоцентризм как особый принцип исследования, — по верному замечанию Е.С. Кубряковой, — заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению и его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой деятельности» [2: 112]. «Сегодня, — по меткому замечанию Е.Н. Рядчиковой и С.В. Тарасенко, — нет области лингвистических исследований, которая не приобрела бы антропоцентрической направленности, но наиболее ярко сущность лингвистики антропоцентризма проявляется в текстовых исследованиях» [3: 17]. Текст,

автором и получателем которого является человек, невозможно изучить, выведя человека за скобку.

Антропоцентрический подход к исследованию текста предполагает выдвигание на первый план человека как создателя сообщения и/или его получателя. М.М. Бахтин указывал на главенствующее положение человека в любом тексте: «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя, т. е. создает текст (хотя бы и потенциальный)» [4: 285]. Художественный текст антропоцентричен не только по содержанию, но и по форме выражения: за любым текстом стоит его создатель, речевое воплощение которого принято называть образом автора.

Интерес к фигуре творца-создателя текста не ослабевает в гуманитарных науках на протяжении уже нескольких веков. В настоящее время принято разграничивать понятие «автор», непосредственно связанное с художественным целым произведением и рассмотренное в концепции «эстетической деятельности» М.М. Бахтина, в теории стиля В.В. Виноградова, в работах философов М. Фуко и Р. Барта и круг понятий «писатель», «биографический автор», предполагающее реальное лицо, включенное в практику литературного труда.

Проблема «писателя» в настоящее время монополизирована социологическим направлением в литературоведении. В социологии литературы писательство предстает как профессия, фор-

мы и возможности которой подвержены социально-историческим изменениям. В противоположность принятому в русской культуре XIX века романтическому взгляду на писателя как творца, социологи акцентируют внимание на прагматических, внеположных творчеству мотивах поведения писателя. Писатель стремится утвердить свой писательский статус, обрести признание.

Изменение социально-политической обстановки в России в 90-е гг. XX века не могло не сказаться на литературе, ее восприятии и читательских ожиданиях. Ю.М. Лотман точно подметил специфику читательского заказа в подобные «переходные эпохи», указав на то, что читатель хотел бы, чтобы его автор был гением, но при этом ожидает понятные произведения. «Упрощение» литературных ожиданий читателя, отмеченное Ю. М. Лотманом, связано и с характерным для культуры конца XX века «сжатием», сокращением больших культурных масс с целью приспособить их к малому масштабу человеческой жизни. К известным словам Ю. Тынянова о том, что когда «литературе трудно, начинают говорить о читателе, можно добавить, что начинают говорить и о «новом писателе».

Мы полагаем, что наметившиеся изменения в восприятии фигуры писателя — во многом временное явление. Образ писателя — фиксатора знаний, творца текста, а возможно, новой реальности — берет свое начало в лице Нестора Летописца, составителя «Повести временных лет». Он же стал прообразом пушкинского монаха Пимена, писательская судьба которого предопределена Богом:

*Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил* [5: 216].

Создание текста — это обязанность для того, кому дан талант («книжное ис-

кусство») и уготован особый жизненный путь («многих лет свидетель»). Высшие силы здесь выступают в роли Судьбы Заимодавца из классификации Н. Д. Арутюновой [6: 616- 631]. Как заимодавец дает человеку ссуду под проценты, так и талантом писатель награждается в обмен на необходимость превратить свою жизнь в служение. У человека остается право отказаться от дара, однако отказ оборачивается гибелью таланта.

Монах-летописец в трагедии Пушкина — воплощение идеального писателя, отрекающегося от мира во имя творчества: «Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умиленная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать, набожное, к власти царя, данной им Богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия...» [7: 745]. Образ летописца закреплен в русской культуре и отмечен совокупностью характеристик: истинному таланту и долгой, тяжелой работе («еще одно, последнее сказанье») противопоставлены «бумагомаратель», «писака», «графоман».

Отметим, что лексема *писатель* не выделяется в словарях концептов в качестве одного из «сгустков культуры», что, на наш взгляд, неверно. Можно без преувеличения сказать, что в сознании читателей и общества в целом личность и биография писателя могут стоять рядом с его же произведениями, а иногда и превыше их. «Биографии многих писателей в сознании русских становятся «романами» не менее популярными, чем их художественные произведения, и что эти «романы», так же, как собственно литература, воспринимаются в системе русского национального сознания как отражение глубинного значения русской истории, духовных чаяний русского народа и интеллигенции. Это связано с восприятием книжного, особенно поэтического слова как сакрального в русской традиции»

[8: 15]. Действительно, судьбы великих русских писателей известны массовому читателю и укладываются в «сюжетные» формулы: А.С. Пушкин — Лицей, ссылка, красавица жена, дуэль; Ф.М. Достоевского — приговор к смерти, каторга, игра в рулетку, эпилепсия; Л.Н. Толстой — школы, побег, смерть на железнодорожной станции и т.д.

По нашему мнению, есть ряд оснований для выделения концепта «судьба писателя» как лингвокультурного, отмеченного рядом национально-специфических черт. Как отмечают ведущие исследователи лингвокультурных концептов В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, ключевое отличие ментальных единиц такого рода заключается в акцентуации ценностного элемента, тогда как когнитивные концепты, фреймы, сценарии, скрипты, понятия, образы, архетипы, гештальты, мнемы, стереотипы могут быть его лишены [9: 75–77]. Центр лингвокультурного концепта — это ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Возможность использования оценочных предикатов в отношении определенных понятий, как и наличие оценочных коннотаций, есть показатель его отнесенности к лингвокультурным концептам.

Особую значимость концепта «судьба» — ключевого компонента исследуемого концепта «судьба писателя» — для русского национального сознания сложно переоценить. По мнению А. Вежбицкой, такие слова, как *душа* или *судьба*, в русском языке подобны «свободному концу, который нам удалось найти в спутанном клубке шерсти: потянув за него, мы, возможно, будем в состоянии распутать целый спутанный «клубок» установок, ценностей и ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в распространенных сочетаниях, устойчивых выражениях, грамматических конструкциях, в пословицах» [13: 37]. Схожие понятия есть у всех наций, но, например, во француз-

ском языке оно не столь существенно. Английское *fate*, к примеру, хотя и считается самым близким аналогом русской судьбы, однако скорее схоже с роком. В отличие от английского *fate*, русский концепт «судьба» не включает признаки ‘случай’, ‘совпадение’, ‘риск’, так же как и *fate* не содержит признаков «судить» и «судить заранее». *Fate* всегда оставляет субъекту право свободной воли, человек может бросить вызов и противостоять *fate*. Русская «судьба» не дает человеку права на выбор, ей следует покориться.

О значимости слова и объекта, который это слово именуется, для сознания носителей русского языка свидетельствует широкий синонимический ряд. По данным ряда словарей (как синонимических, так и толковых), в настоящее время насчитывается не менее 20 синонимов лексем *судьба*: *рок, участь, доля, жребий, удел, fortuna, фатум, линия, часть, предопределение, перст судьбы, перст божий, парки, талант, планета, планида, звезда, провидение, счастье, недоля* (о тяжелой судьбе).

Частотность употребления — другой показатель важности концепта для языкового сознания. По данным Частотного словаря русского языка, на 1056382 словоупотребления приходится 181 случай употребления слова *судьба* и 155 дериватов, синонимов и слов одноименной лексико-семантической группы, включая такие словоупотребления, как *судьбина, суждено, рок, фаталист, предназначать* и другие.

В последние десятилетия концепту «судьба» уделяется немало внимания, о чем свидетельствует множество научных статей, монографий и диссертационных исследований, ср.: Абаева 2007; Арутюнова 1999; Вежбицкая 1994, 1997; Печенкина 2001; Радзиевская 1991; Сергеева 2002; Чернейко, Долинский 1995; Форофтонова 2009 и др.

Как отмечалось выше, лексема *писатель* не рассматривалась ранее в каче-

стве концепта. Значимость исследуемого понятия для языка и культуры, как и в случае с концептом «судьба», подтверждает широкий синонимический ряд: *беллетрист, газетчик, драматург, журналист, инженер человеческих душ, историк, компилятор, критик, литератор, летописец, памфлетист, поэт, публицист, рецензент, романист, сочинитель, фельетонист, хроникер, писака, щелкопер*. Обилие синонимов побуждает классифицировать их по основному семантическому признаку и выделить языковые единицы с дополнительной коннотацией:

1. Называющие лицо по литературному направлению, жанру, в котором он пишет: *беллетрист, драматург, летописец, памфлетист, романист, фельетонист* и др.

2. Обозначающие лиц смежных профессий, так или иначе связанных с писательским трудом: *критик, публицист, журналист, историк*.

3. Эмоционально окрашенные единицы с отрицательной коннотацией: *писака, щелкопер, бумагомаратель, графоман*.

4. Эмоционально окрашенные единицы с положительной коннотацией: *инженер душ человеческих*.

Эмоционально окрашенные синонимы не только подтверждают присутствие оценочного компонента в выдвигаемом нами концепте «писатель» и, таким образом, позволяют квалифицировать его как лингвокультурный концепт, но и свидетельствуют о закреплённом в сознании носителей языка представлении о труде писателя как направленном, в первую очередь, на морально-нравственное совершенствование читателей, а не на получение личной, материальной выгоды. Кроме того, семантические компоненты ‘беспольное, лишённое таланта писательство’, ‘сочинение неоправданно длинных и бездарных текстов’ указывают на определённый читательский заказ.

Итак, анализ лексикографических источников подтверждает наличие у лек-

семы *писатель* особых приращённых смыслов. Писатель, как и поэт, в России больше, чем писатель. Полагаем, что причина этого кроется в его работе со словом, которое воспринимается как сакральное в русской культуре.

Судьба писателя также не представляется русскому сознанию простой, «стандартной» или безликой: уже упомянутое владение сакральным словом открывает дорогу к сакральным смыслам, способностью проникать в суть явлений и даже видеть и предсказывать будущее.

Для представления концепта «судьба писателя» ключевой компонент «судьба» следует, на наш взгляд, рассматривать в двух значениях, которые даются в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова:

1. Складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств: «Судьба столкнула старых друзей».

2. Участь, доля, жизненный путь // «Дальнейшее существование», будущность кого-либо: «Жаловаться на судьбу»; «От судьбы не уйдешь».

Оба значения лексемы предполагают, что судьба писателя — заранее намеченный путь, выбранный не самым человеком, а некими высшими силами, подразумевающий и писательский дар, и испытания, жизненные перипетии как плату за талант.

Предназначение стать инженером душ человеческих, работать с сакральным книжным словом неразрывно связано с жизненными тяготами, которые необходимо преодолеть, чтобы быть достойным своего дара. *Судьба* в значении ‘то, что назначено испытать в соответствии с приговором высшей силы’, ‘то, что суждено’ не даёт писателю отказаться от своей роли. Она здесь предстаёт в образе Судьбы Заимодавца из классификации Н.Д. Арутюновой. Дар слова требует жертв, поэтому жизнь писателя превращается в служение, следование воле выс-

ших сил, отказ от непримечательной судьбы во имя таланта творения. Судьба Режиссер из той же классификации назначает писателю ответственную роль — резонера, комментатора, нарратора — одного из толкователей или предсказателей ее воли. У писателя есть возможность отказаться от дара, однако это оборачивается гибелью таланта, а порой и самого человека. Нередко судьба писателя принимает обличье Судьи, который посредством случая осуществляет возмездие или вознаграждение писателя-ответчика.

Возможен иной взгляд на судьбу писателя, если рассматривать *судьбу* в значении ‘стечение обстоятельств’. В таком случае не дар, полученный от высших сил, а обстоятельства жизни, пережитое и прочувствованное человеком подталкивает его к писательству. Такое представление базируется на дефинициях лексемы *судьба*, предложенных в словаре Д.Н. Ушакова и Малом академическом словаре, в которых идея о влиянии высших сил признавалась пережитком, суеверными, мистическими представлениями.

Особенность судьбы писателя и в том, что слава как знание о нем, его произведениях может жить долго после его смер-

ти, а значит, объем понятия «судьба писателя» не равен жизни. Об этом свидетельствуют такие устойчивые выражения, как *посмертная слава, посмертная публикация*. История знает немало примеров того, как писатель становился по-настоящему известным только после гибели: таковы судьбы Э.Л. По, Г. Мелвилла, Ф. Кафки, Н. Лескова, В. Шаламова, И. Бабеля, А. Платонова, отчасти М. Булгакова.

Рассмотренные компоненты концепта «судьба писателя» связаны с восприятием писателя как истинного мастера слова. В ней отражаются не только составляющие писательского труда (муки творчества, искания, поиск ответов на философские, социально-общественные вопросы), но и сопутствующая данному концепту идея трагичности судьбы писателя. По нашему мнению, допустимо следующее предположение: концепт «судьба писателя» основывается в русском языковом сознании на идеях избранности, трагичности и следованию некому идеализированному образу писателя-творца. В качестве платы за писательский дар ему следует смиряться с тяготами, отречься от «обыденной» жизни для следования долгу творения.

Примечания:

1. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.
2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (Опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. / под ред. Ю.С. Степанова. М.: РГГУ, 1995. 432 с.
3. Рядчикова Е.Н., Тарасенко С.В. Лингвокультурные принципы и способы отражения национального самосознания и национальной культуры в языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2007. Вып. 2. С. 13–20.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
5. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. Евгений Онегин. Драматические произведения. М.: Худож. лит., 1960. С. 201–299.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1999. 896 с.
7. Рукою Пушкина: несобранные и неопубликованные тексты / подгот. к печати и коммент. М.А. Цявловский [и др.]. М.; Л.: АCADEMIA, 1935. 926 с.
8. Алоэ С. Писатель как национальный миф в русской культуре // Литературоведче-

- ский журнал. 2007. № 21. С. 15–20.
9. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 75-80.
  10. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations Human Concepts in Culture – Specific Configurations*. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1992. 488 p.

References:

1. Maslova V.A. *Cognitive Linguistics: a manual*. 3rd ed., revised and enlarged. Minsk: TetraSystems, 2008. 272 pp.
2. Kubryakova E.S. Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (The experience of paradigm analysis) // *Language and science of the end of the 20th century*. / ed. by Yu.S. Stepanov. M.: RSHU, 1995. 432 pp.
3. Ryadchikova E.N., Tarasenko S.V. Linguistic and cultural principles and ways of reflection of national consciousness and national culture in language // *Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts*. Maikop, 2007. Issue. 2. P. 13-20.
4. Bakhtin M.M. *Aesthetics of verbal creativity*. M.: Art, 1979. 424 pp.
5. Pushkin A.S. *Collected works: in 10 vol. Vol. 4. Eugene Onegin. Dramatic works*. M.: Khudozh. lit., 1960. P. 201-299.
6. Arutyunova N.D. *Language and the world of man*. M.: Languages of Russian culture, 1999. 896 pp.
7. *By Pushkin's hand: uncollected and unpublished texts / preparation for printing and comments by M.A. Tsyavlovsky [etc.]*. M.; L.: ACADEMIA, 1935. 926 pp.
8. Aloe S. Writer as a national myth in Russian culture // *Journal of Literary Studies*. 2007. No. 21. P. 15-20.
9. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Linguistic and cultural concept as a unit of research // *Methodological problems of cognitive linguistics: coll. of proceedings / ed. by I.A. Sternin*. Voronezh: VSU Publishing house, 2001. P. 75-80.
10. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations Human Concepts in Culture - Specific Configurations*. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1992. 488 pp.